

ПРОБЛЕМА ГРЕХА

Агнос, Вы считаете, что наша книга должна этим и закончиться, не так ли? Вы ошибаетесь. У нас остался ещё один камень, который нужно отодвинуть, а, ведь, он — самый большой. Этот камень, однако, не лежит на дороге; он находится внутри Вас. На пути, ведущем к нашей отдаче себя Богу, мы уже передвинули в кювет немало препятствий и надеюсь, что мы также сделали всё необходимое, чтобы обойти уroda по имени «зло». Но существует ещё одно препятствие, которое может не позволить Вам пойти дальше по дороге, ведущей к отдаче себя Иисусу Христу. Этим препятствием является Ваш собственный грех.

Вы возражаете, заявляя: «Слушайте, какое значение может грех иметь в вопросе убедительности доказательств?» На самом деле, Агнос, это имеет самое большое значение. Помните ли Вы, как в третьей главе мы говорили о том, что Ваша «перцепционная наклонность», Ваш эпистемологический фильтр, определяет, что Вы принимаете или отрицаете в контексте своего мировоззрения? Я крепко убеждён в том, что настоящей причиной неверия у человека является грех, а не отсутствие доказательств. Слова Беркли как раз тут и подходят: «Мы прежде всего подняли пыль, а за этим жалуемся, что ничего не можем видеть».

А. КАК ГРЕХ ЗАСТАВЛЯЕТ НАС ОТГОВАРИВАТЬСЯ

Если бы мы спросили тех, кто отрицает теизм, почему они стали такими, то большинство из них сказали бы: «Ответить на это нетрудно. Я избрал атеизм объективным путём, рассмотрев тщательно и бесстрастно все подходящие доказательства».

Неужели? Как-то не верится.

Думается, что это, в сущности, Ваша попытка нас обмануть. Мне кажется, что человека беспокоит немало «скрытых убедительных данных», когда он оформляет своё мировоззрение. Фридрих Ницше утверждал, что надо, прежде всего, посмотреть на этические принципы человека для того, чтобы полностью понять его личную философию. Узнавай, прежде всего, как он хочет вести себя, а потом только изучай остальную часть его понятий. Быть может, ты найдёшь, что действует у такого принцип причины и следствия, чего ты раньше не ожидал.

Я согласен с Ницше. Считаю, что когда неверующие выбирают себе жизненную философию, то у многих из них есть предвзятое этическое понятие. Как любил говорить Корнилиус ван Тил: «Грешник преследует своекорыстные цели». Он не хочет, чтобы христианство было истинной верой, поэтому он ищет препятствия и радуется, тогда, когда их находит. Олдос Хаксли был честным по этому вопросу человеком. Он признал, что для него дело обстоит так:

«У меня были намерения, согласно которым я не хотел, чтобы в мире находился смысл (существования), следовательно, я предположил, что смысла в мире нет, и без особого труда находил удовлетворительные причины для такого предположения... Для меня и, несомненно, для большинства моих современников, философское понятие об отсутствии всякого смысла было, в сущности, средством освобождения. Освобождение, желаемое нами, было одновременно и свободой от какой-то политической и экономической системы, и свободой от какой-то моральной системы. Мы возражали против нравственности потому, что она мешала нашей сексуальной свободе».¹

Зигмунд Фрейд утверждал, что человек верит в Бога для того, чтобы избежать чувства одиночества, которое приходит тогда, когда он, как дитя, разлучается со своим настоящим отцом.² Давайте возьмём этот «фрейдовский ботинок» и наденем его на другую ногу, т. е. допустим, что человек в Бога не верит тогда, когда он желает найти светское альтернативное объяснение чувства вины и наличия греха. Фрейд сказал, что широко распространённым неврозом является теизм. Я утверждаю, что атеизм является широко распространённым механизмом бегства от ответственности.

Нет человека без ощущения вины: Освободить человека от чувства вины — в этом и заключается ежедневная проблема психиатра. Каждый человек что-то делает, чтобы освободиться от этого чувства. Христианин убеждён, что и грех, и чувство вины отнимаются от него, когда он верует в Иисуса Христа. Неверующий также, в некотором смысле, придерживается учения «оправдания верою», вернее, — оправдания «антиверою». То, что он оставит своим конечным метафизическим понятием, — именно на это он возлагает своё упование, преданность и послушание. Его жизненное философское миропонимание отнимает от него чувство вины и заглаживает его грех. Раз он выбрал себе светскую материалистическую философскую систему, то он может сказать вместе с апостолом Павлом: «Нет ныне никакого осуждения тем, которые...» (Рим. 8:1). Вы можете заполнить пробел своей светской альтернативой.

Заполнить пробел легко. В наше время, когда можно выбрать себе любое из различных нерелигиозных мировоззрений, грешник может принять теорию, по которой утверждается, что грех вызывается у него не его волей, а чем-то другим. Он сознательно или бессознательно обвиняет что-то другое, не принадлежащее к нему самому: природу, материю или общество. Человеку ни в коем случае нельзя принимать христианского теизма, ибо это понятие требует от него веры в реальность его личного выбора и ответственности, а вера в нечто такое выделяет реальность греха у человека вместо того, чтобы отнять её. Грешник должен выбрать себе теорию, которая позволяет ему заявить: «Я ничего не могу сделать».

В чём заключаются некоторые из этих светских альтернативных объяснений, которые освобождают человека от ощущения греха?

1. Aldous Huxley, *Ends and Means: An Inquiry into the Nature of Ideas and into the Methods Employed for Their Realization* (New York: Harper, 1937), стр. 312, 316. Августин Блаженный тоже продемонстрировал, как грех может испортить процесс анализа. У него была серьёзная проблема самообладания и незадолго до момента обращения он воззвал к Богу такими словами: «Даруй мне чистоту и смирение, но не сейчас» (Augustine, *Confessions*, VIII.7).

2. Sigmund Freud, *The Future of an Illusion* (New York: Doubleday, 1957), стр. 39—40.

1) Философия гуманизма нейтрализует грех заявлением, что моральная ошибка является, в основном, результатом простого невежества. Как утверждали древние греки: «Знание — добродетель». Невежество обычно проявляется не в результате нашей моральной вины, а скорее всего из-за недостаточных возможностей. Если дать человеку возможность получить хорошее образование, увеличить знание, развить умственные способности, то он, в конечном счёте, преодолеет плохое поведение. Добровольного грешника, в сущности, нет.

Оптимистическое представление человека заразило многих мыслителей восемнадцатистолетней эпохи Просвещения. В произведении «История человеческого прогресса» (1794 г.) Жан Кондорсе написал, что «никакие ограничения не были поставлены для улучшения человеческих способностей» и что «совершенствование человека границ не имеет». Жан Меслье заявил, что «люди несчастливы лишь потому, что они невежды; они невежды лишь потому, что всё содействует тому, чтобы препятствовать им просветиться; и они злы лишь потому, что у них в достаточной мере не развиты способности логичного мышления».³

Даже осторожный мыслитель, Иммануил Кант, распространялся на тему «Постоянного мира» (1795 г.), который должен был явиться тогда, когда просвещённый государственный ум начнёт управлять политическими делами человечества. Г. Дж. Уэллс считал, что «это в силе учёных — создать всемирную энциклопедию для распространения узнанного ими среди всех людей, а это заставит людей прийти к какому-то согласию между собой». Заметьте наивное убеждение, что *знание заставляет*. Перед двадцатым веком широко распространилась надежда, что христианская доктрина первоуродного греха мало-помалу станет умирать на алтаре человеческого достоинства.

«Достоинство человека!» Эти слова сегодня умирают на наших устах. Несмотря на заявления Канта, Кондорсе и Уэллса, мы увидели царство террора, две мировые войны, фашизм, Гитлера, сталинские чистки, Освенцимский концлагерь, окончательное разрешение еврейского вопроса, атомную бомбу. Мало кто верит в основную доброту человека, хотя этот вид гуманизма и по сей день остаётся выбором для избежания реальности греха. В наши дни неверующий скорее всего нейтрализует чувство вины бихевиористическим детерминизмом: биологическим, психологическим или социологическим детерминизмом.

2) Биологический детерминизм избегает вопроса личного греха в силу того, что плохое поведение им приписывается какому-то ненормальному функционированию физиологического организма. Тело в этом виновато. Сущность человека определяется тем, что он ест. Проблемы человека иногда, без тщательного внимания, объясняются несчастным наследием, вытекающим из его животного состава, как утверждается в псевдонаучных произведениях Роберта Ардрей (*Robert Ardrey, African Genesis, Territorial Imperative*).

Другие люди объясняют агрессивность человека и подобные его порывы каким-то отставанием в эволюционном развитии его мозга. По этой теории говорится, что нео-кора головного мозга, т. е. «новый мозг», — центр чисто человеческих способностей, — так быстро развивалась, когда человек эволюционировал из приматов, что она не могла овладеть «старым мозгом», —

3. Смотрите Will Durant, *The Age of Voltaire* (New York: Simon and Schuster, 1965), стр. 615.

центром животных инстинктов, источником нелогичного и импульсивного поведения.

Согласно чисто биологическим описаниям, грешный человек является эволюционной ошибкой или биологическим уродом. Г. К. Честертон однажды пошутил: «Одно из животных как-то сошло с ума».

3) Психологический детерминизм сосредоточивается на более специфичной области человеческого организма, — на наследственных побуждениях ида или подсознательного. Фрейд навсегда запечатлел в памяти современного человека идею, что какая-то тайная, скрытая сфера, — можно назвать её страстью, эмоцией, инстинктом, подсознанием, — является настоящей реальностью; она сильно предопределяет, кем является человек и как он ведёт себя. Понятие Фрейда привело к трагическому умалению сознательной части человека и к широкораспространёншему пониманию, что человеческая натура преимущественно нелогичного характера. В современном мире этот пессимизм в огромной мере способствовал росту фашизма и увеличению авторитарности и контроля над людскими мыслями.

К счастью, в течение двадцатого века это мрачное понятие потеряло свою первоначальную силу. За последние десятилетия психологи снова подчёркивают автономную деятельность индивидума, цельное намерение нашего «я», которое направляет взор на будущность. Многие современные теории о характере человека подчёркивают, что сознательные желания у человека, по всей вероятности, сильнее, чем их определял Фрейд. Люди во много раз менее рациональны и прирождённо менее добродетельны, чем считали оптимисты эпохи Просвещения, но я сомневаюсь, что люди морально слепы и безнадежно нелогичны, как считают фрейдовские пессимисты текущего столетия.

Нужно помнить самое главное, — а именно, что в фрейдовской системе мышления нет ничего, делающего человека ответственным за его проблемы. По этой системе он свободен утверждать: «Это зависит не от меня».

4) Социологический детерминизм снимает свет прожектора с человека и обвиняет структуру общества за все человеческие проблемы. Такие мыслители, как Карл Маркс и Жан-Жак Руссо, считали, что человек рождается свободным, невинным и лишённым всякого намерения приобрести себе прибыль. Однако, какой-то тайный процесс способствует развитию зла в обществе.

Классический марксизм (и не обязательно ревизионистский) учит, что безнравственность возникает в многоклассовом составе общества, доминирующем в истории, так что получают хозяин и раб, господин и крепостной, буржуа и пролетарий, имущий и неимущий. Поэтому, когда придёт бесклассовое общество после великой революции и все люди станут принадлежать одному классу (пролетариату), грех вымрет благодаря тому, что уже не будет существовать социально-экономическая структура, вызывающая грех. Когда зло исчезнет, то тогда также исчезнет государство, ибо люди более не будут нуждаться в силе принуждения для того, чтобы предотвратить всякие виды антиобщественного поведения.

Руссо и другие философы эпохи Просвещения настаивали, что «культурное отставание» или инертность общественных и политических институций причиняет моральные проблемы человечеству. «Человек рождается свободным, но везде он в узах», — написал Руссо. Но как он попал в узы и почему он остаётся в них — вот это тайна. Социологический детерминист

всегда находит немало людей, которых можно обвинить в наличии греха. Цари, священники, дворяне, капиталисты, полиция, бюрократы — кто-то другой всегда портит положение. Перед французской революцией многие критики повторяли известное лаконическое выражение Гольбаха, что общество никогда не будет в правильном состоянии, пока «каждый король не будет задушен кишками каждого священника».

Б. ЗНАЧЕНИЕ СВЕТСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ

Грешный человек, поэтому, проявляет особую искусность в попытках придумать светские альтернативные объяснения греха и отнять от человека всякое чувство вины. Когда знакомишься со всеми этими ложными объяснениями, предлагающими спасение человеку, то бросаются в глаза некоторые общие черты, свойственные светским объяснениям.

1) Все такие альтернативы уничтожают противоречие, связанное с человеческой природой, — именно, равновесие между достоинством и подлостью человека. Гуманизм защищает понятие о достоинстве человека, но этого не уравнивает с аспектом его падшего состояния. Наоборот, отдельные виды детерминизма, в своём большинстве, признают реальность человеческой подлости, но забывают о потенциальном достоинстве человека. Человек редко оказывается таким добрым, каким люди хотели, чтобы он был. Но также он редко оказывается таким злым, каким некоторые считают его.

Христианское богословие воспринимает и считается как с самыми великими, так и с самыми низкими аспектами человеческой природы. Бог сотворил человека по Своему образу и поставил его немного ниже ангелов (Пс. 8:6). Независимо от того, как низко падает человек морально, он всё-таки не теряет способность откликнуться Божественной инициативе. Как сказал Паскаль: человек — это, одновременно, и судья всех вещей, и нелепый червь, который является хранилищем истины, раковиной неуверенности и ошибки, — славой и сбродом мира».⁴

2) Все светские альтернативные объяснения представляют человеческий грех *естественным* фактом вместо *морального*. Они говорят, что грех является функцией чего-то другого, не относящегося к нашему «я», нашего эго, который оценивает известные вопросы. Гуманизм делает грех функцией интеллекта. Детерминизм определяет его, как функцию тела, ида или общества. Во всех случаях снимается вина с той воли, которая ощущает вину, и вопрос греха переносится в материалистическую, научную сферу того, что *есть*, вместо того, чтобы перенести его в духовную сферу превосходящих явлений, касающихся того, что *должно* быть.

Мы уже не раз отметили, что материализм логично не имеет себе никакой аксиологии, потому что оценку любого (морального) принципа эмпиризм никак нельзя подтвердить. Научный метод относится только к конкретным данным; он негоден в разрешении любого вопроса аксиологии. Поэтому,

4. Blais Pascal, *Pensées*, No. 246. Многим сообразительным мыслителям понравилась реалистическая оценка человеческой природы, предлагаемая христианством (например, Блезу Паскалю и Рейхольду Нибуру). Эта антропология настолько проникает в самую суть дела, что она служит одним типом доказательства в пользу христианской веры. Смотрите Blais Pascal, *Pensées*, No. 433; Reinhold Niebuhr, *Beyond Tragedy: Essays on the Christian Interpretation of Tragedy* (London, 1938), стр. 265 и дальше.

последовательный материалист должен обращаться с грехом так, как он обращается с болезнью, температурой и химическими препаратами, — подобно тому, как люди пользуются данными в отношении бетона, ссылаясь на чисто физические законы.

3) То, что четыре альтернативных объяснения сводят грех к простым и конкретным данным, показывает, что они более всего относятся к вопросам людской самотерапии и управления обществом. А когда грешный человек пытается сам по себе вылечиться, то его попытки приводят его к этическому шарлатанству. Неверующий говорит: человек может самого себя спасти, но только тогда, когда он передаёт свою жизнь в руки педагога, диетолога или психиатра, Б. Ф. Скиннера или председателя Мао Цзэ-Дуна.

4) В конечном счёте, всякие виды детерминизма дегуманизируют человека. Они отнимают от него грех, но только той ценой, которая сводит грех к положению естественного факта, к куску материи, к машине или животному, — короче говоря, к объекту, а не к главному предмету. Скиннер попал в точку, когда озаглавил свой манифест: «За пределами свободы и достоинства». Он мог бы даже добавить: «За пределами человечности, своей личности и личности вообще», потому что этого требует бихевиоризм.

Христианство учит, что проблема человека не в отставшем развитии его мозга или в его отставшем культурном развитии, а в отставшем развитии его воли, его эго. Проблема греха находится в самом человеке, в самой глубокой и необходимой части его души, в центре его личности, — в его воле. Как утверждал Лютер, выступая против мнения Эразма Роттердамского, душа человека порабощена, пока Бог не возродит её. Она откажется жить по Богом установленному закону, то есть закону любви. Она не подчиняется Богу, только самой себе, независимо от того, в какой мере соответствуют ей физические и общественные условия.

В. БЛАГАЯ ВЕСТЬ!

Если христианство достоверно, то никакое лечение тела, никакое просвещение, никакая психиатрическая помощь и никакие попытки управлять обществом не разрешат наши проблемы поведения, потому что ничто из этого, в сущности, не доходит и не затрагивает корня проблемы греха. Помощь должна прийти от кого-то другого, обладающего способностью возродить сердце человека и изменить его волю (Рим. 12:1—2). Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое; ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лук. 6:45).

Агнос, Вам уже следует видеть преимущества христианского мировоззрения. Если Вы можете согласиться с истиной, что Вы сами виноваты в своих грехах, то *Иисус Христос может снять с Вас и грех и вину, — и этим ничуть не дегуманизировать Вас!* Для меня это есть Евангелие, Благая Весть. Если выбрать и поверить светской теории, то выходит, что человек оказывается худшим, чем ему было назначено быть при сотворении. Все светские объяснения, отличающиеся от Христового объяснения, оставляют человека несчастливым и дегуманизированным. Только во Христе человек может остаться настоящим человеком, быть оправданным и освобождённым от греха и вины.